

— СОВРЕМЕННАЯ ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ПРОЗА —

**Андрей
ВАЛЕНТИНОВ**

АРГЕНТИНА

Книга 4

ЛОЦЖА

Харьков
«Фолио»
2018

Глава 1

«Колумбия»

Белый танец. — Внучка. — Куманёк и дурачина. — «Фукурума». — Стружки на манеже. — Эксперт Шапталь. — Допрос. — Рисунок, цвет, композиция

1

Белый танец — светлая перчатка на желтой кости...

Смерть никогда не опаздывает, но порой приходит слишком рано. Весы еще колеблются, последние песчинки цепляются за гладкое стекло... Но Смерть нетерпелива, она не любит ждать, пока прозвонит невидимый колокольчик, и заиграет музыка. Особенно здесь, в Ее логове, в Ее царстве.

По серой известке стен — долгий ряд цифр, от единицы до шестерки, перечеркнутых наискось. Столбиками, неровными квадратами, кое-где просто ногтем, кое-где чем-то тонким и острым. Последний ряд обычно неполон — от пяти до зябнувшей единички. Ее клинопись, Ее, Смерти, гроссбух. Она знала каждого, не многие ушли, не повидавшись с Нею, не услышав Ее зов.

— Никодим... Никодим!

Людские имена Смерть не помнила — и не пыталась узнать, обращаясь ко всем одинаково. Никодим — Увидевший Победу, Ее победу¹.

— Никодим!..

На Ее троекратный зов откликаются всегда, он слышен даже в самых глубинах беспомысленности. Лежавший на бетонном полу легко поднялся над собственным телом, привычно пригладил залитые засохшей кровью светлые волосы, все еще не понимая, окинул взглядом камеру.

¹ Габриэль Гарсиа Маркес. «Осень патриарха».

...Слева от обитой железом двери еле различимое «3,5 года», справа, у самого потолка, «Черный фронт не сломить!» Двухэтажные нары пусты, тело — ногами к двери, лицом в бетон.

Столик. Жестяная кружка. Ложка, надломанная как раз посередине.

Камера 128. Военная тюрьма. Колумбия-штрассе. Темпельгоф.

— Пора! — Смерть, зубасто улыбнувшись, протянула руку в светлой перчатке. — Наш танец, Никодим!

Отказа не ждала, но человек, прислушавшись к чему-то недоступному даже Смерти, молча покачал головой. Та не обиделась — привыкла! — но в бесчисленный раз огорчилась людской непонятливости.

— Чего еще ты ждешь? Смотри!

Светлая перчатка легко стерла нестойкую явь, открывая залитый лунным огнем белоколонный зал. Вместо паркета — неровная черная тьма, она же вверху, за колоннами, со всех сторон. Оркестр не виден, но хорошо различим. Музыканты репетировали, дирижер, явно чем-то недовольный, отсчитывал холодным резким голосом: «Раз-два-три-четыре... Раз-два-три-четыре... Раз-два-три...»

— Один лишь танец, Никодим! — Смерть, вновь оскалившись, простерла длань к черному безвидному небу. — И все кончится. Не будет боли — и страха больше не будет. Не жди, когда зазвенит колокол! С утра — снова на допрос, и тебя опять станут бить, а потом мы встретимся снова. Несколько часов мучений — разве оно стоит того?

«Раз-два-три... Раз-два-три-четыре...»

Желтая кость, легкая невесомая ткань. Ладонь — у его плеча. Человек отшатывается, резко качает головой...

«Раз-два-три-четыре...»

И улыбается. Говорить не может, но Смерть понимает без слов. И на этот раз в ее голосе темной водой плещется нешутливая обида.

— Еще пожалеешь, мой Никодим. Это мог быть прекрасный танец... Завтра новый день — и новые муки. Ты будешь звать меня, наглый мальчишка, но я спешить не стану. Ты парень крепкий, жизнь

из тебя будут выбивать долго. Опасно злить палачей, Никодим, но еще опаснее сердить меня...

Перчатка ударила в черное небо, вмяная его пустоту. Дрогнули белые колонны, растворяясь в нестойком полумраке тюремной камеры, дирижерский голос оборвался, так и не досчитав («Раз-два-три...»), черный цвет уступил место серому. Бетонный пол, известка по стенам, лампочка в железной оплетке под потолком. Человек, приподняв голову, с трудом выплюнул кровь.

Привстал, опираясь на локти.

— Ни-ко-дим...

Выговорил с трудом, усмехнулся разбитыми губами.

— Не дож-дешь-ся!

Встать не смог — прилег обратно на холодный бетон. Завтра — новый день, и этот день надо обязательно пережить. Опасно сердить Смерть, но подвести живых — еще хуже.

Сил не было, и человек не запел, лишь шевельнул губами, обозначая памятные с детства слова:

Нет мыслям преград,
Они словно птицы
Над миром летят,
Минуя границы...¹

Темпельгоф, южный пригород Берлина, столицы Третьего Рейха.
Первый шаг сделан...

Ловец не поймает,
Мудрец не узнает,
Будь он хоть Сократ:
Нет мыслям преград!

2

Такси она отпустила в самом начале Рю Скриб. Пристроила сумочку на плече, перехватила поудобнее картонную папку, походя

¹ Здесь и далее песня «Die Gedanken Sind Frei» приводится в переводе Даниэля Когана.

отфутболив настырного усатого франта, сунувшегося помочь «прекрасной мадемуазель»¹. От «прекрасной» (сказанул!) тут же заныли зубы. Даже не разглядел как следует, порода кошачья — и туда же! Или он из тех, для которых лишь бы двигалась?

Фыркнула, притопнула ногой в тяжелом, не по сезону, ботинке. И пошла по Рю Скриб без особой спешки. До встречи — верные полчаса, а до стеклянных дверей «Гранд-отеля» три минуты неторопливого хода. Еще пара минут, чтобы пересечь вечно бурлящий толпой холл, потом на второй этаж, тоже две минуты, причем с запасом...

Матильда Верлен (для своих — просто Мод) прекрасно чувствовала время — и очень этим гордилась. Ее немногочисленные кавалеры даже не подозревали, что лучшей для них рекомендацией было бы опоздать на первое свидание. К таким девушка относилась с легким снисхождением, особенно если не забывали извиниться с подробным указанием причин (автобус, толкучка в метро, галстук, сгоревший под утюгом). А еще чтобы рубашка была помятая — и с расстегнутой верхней пуговицей. Если же видела ровню — секунда в секунду, сверкающая обувь и пиджак без складок, — сразу же принимала боевую стойку. Впрочем, ничем серьезным такие встречи не кончались, как в первом случае, так и во втором. Мод привыкла — и воспринимала как данность. Двадцать четыре года, ни разу не замужем, подбородок — хоть орехи коли, а на правой щеке, неизгладимым клеймом — багровое пятно, точно свежей краски плеснули...

«Дедушкина кровь», — с горечью обмолвилась мама. Маленькая Мод, очень удивившись, нашла фотографию деда, папиного папы (в книжке, иных в доме не оказалось), долго вглядывалась, но никакого пятна у Поля Мари Верлена не обнаружила. Наверняка под бакенбардой спряталось! Она попыталась спросить своего второго деда, но мамин папа (ни бакенбард, ни, само собой, пятен) говорить на эту тему отказался наотрез.

¹ Здесь и далее: в некоторых случаях обращения «мадемуазель», «герр», «мадам», «фройляйн», «фрау», «камарад» оставлены без перевода.

— Он был очень дурной человек, внучка. А ко всему — безбожник. Бедная Матильда, твоя бабушка!

Так и осталось пятно не проясненным. И то, что на щеке, и второе, много больше, — багровой кляксой посреди живота. Дурная дедушкина память...

Никакой гордости не чувствовала, ни в детстве, ни позже. На «внучку Верлена» откровенно обижалась, в школу живописи поступила под маминой фамилией, ею же подписывала картины.

Стихи деда все же прочла. Не понравились.

Дурной человек, дурная безбожная кровь...

«Ты еще сменишь кожу, девочка!» — пообещали ей когда-то. Но годы шли, багровые пятна проросли уже до самой души, и Мод давно научилась принимать жизнь такой, как она есть. И себя саму — тоже. Тяжелый подбородок, нижняя губа не по размеру, вздернутый короткий нос, вечная сигарета в зубах, темно-серый пиджак, светло-серая юбка, волосы на затылке — тяжелым узлом, под рукой — картонная папка с рисунками.

Так и шла по жизни, печаль свою сопровождая.

— Мод Шапталь. Нет, не графиня и не родственница. И не внучка. Просто — Мод.

* * *

Последняя картина («Мод Шапталь» желтой охрой в правом нижнем углу) закончена год назад. Красила через силу, закончив же и расписавшись, не показала никому, так и оставив на мольберте. Не потому, что не понравилась, просто показывать некому. Коллеги лишь плечами пожимали: «Рисунок хороший, четкий, но... Ты опоздала на сто лет, Мод. Энгр давно умер!»

Энгр умер. Пикассо и Матисс живы.

Вначале спорила. Потом бросила, заперла студию и заказала новые визитные карточки. На прежних — «Мод Шапталь, художник». На новых она же, но «эксперт». Короткое слово неожиданно понравилось — полным отсутствием ясности и определенности, точь-в-точь, как в современной живописи. «Не так важен